

Цветаева

Марина Ивановна



1892 - 1941

Классики

за 30 минут

Классики за 30 минут

Цветаева за 30 минут

«Мельников И.В.»

Цветаева за 30 минут / «Мельников И.В.», — (Классики за 30 минут)

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения. В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе. Для широкого круга читателей.

Содержание

Библиографический очерк	5
Бежит тропинка с бугорка...	8
Наши царства	9
За книгами	10
Красной кистью рябина зажглась...	11
Домики старой Москвы	12
В субботу	13
Как правая и левая рука	14
Наконец-то встретила...	15
Моим стихам, написанным так рано...	16
На развалинах счастья нашего...	17
Кто создан из камня	18
Тоска по родине!	19
Вот опять окно...	21
С большою нежностью – потому...	22
Семь холмов – как семь колоколов!..	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Цветаева за 30 минут

Библиографический очерк

Выдающаяся русская поэтесса, прозаик и переводчик Марина Ивановна Цветаева появилась на свет восьмого октября (26 сентября по ст. стилю) 1892 года в интеллигентной семье. День ее рождения совпал с празднованием православной церковью памяти апостола Иоанна Богослова и это обстоятельство многократно воспето в творчестве поэтессы. Ее отцом был профессор Московского университета, замечательный филолог и искусствовед, директор Румянцевского музея и основоположник Музея изящных искусств – Иван Владимирович Цветаев, а мать – превосходная пианистка, ученица Николая Рубинштейна – Мария Мейн являвшаяся представительницей обрусевшей польско-немецкой семьи.

Благотворное влияние матери позволило раскрыться таланту девочки очень рано. С шести лет Марина не только свободно говорила на немецком и французском языках, но и писала на них свои первые стихи, равно, как и на русском. Родительница готовила дочь к карьере музыканта, мечтала об этом и прививала вкус к прекрасному.

Детство юное дарование провела преимущественно в Москве и Тарусе, но в связи с болезнью матери семейству приходилось подолгу жить за рубежом: в Италии, Швейцарии и Германии. Начальное образование Марина получила на родине в частной женской гимназии им. М.Т. Брюхоненко. Затем продолжила его в ведущих пансионах Лозанны и Фрайбурга. Свой свобододолюбивый и независимый характер серьезно проявила в шестнадцатилетнем возрасте, самостоятельно отправившись в университет Сорбонны для того, чтобы прослушать небольшой курс лекций, посвященных древне-французской литературе.

К сожалению, в 1906 году битва с чахоткой была проиграна для Марии Мейн и дальнейшим воспитанием четырех детей: Марины, ее единокровных сестры Валерии и брата Андрея, а также сестры Анастасии занимался Иван Владимирович. Он позаботился о хорошем образовании для всех своих отпрысков, прививал им любовь к русской и зарубежной классической литературе, поощрял изучение иностранных языков.

1910 год ознаменовался для Марины Ивановны выпуском ее первого сборника стихов «Вечерний альбом» в типографии А.А. Левинсона и сделано это было на собственные сбережения девушки. Это событие не осталось незамеченным и на юную поэтессу обратили внимание такие мастера слова как: Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев и др. Затем последовала ее самая первая опубликованная критическая статья «Волшебство в стихах Брюсова», а спустя два года и новый сборник стихов «Волшебный фонарь».

Ранний период творчества поэтессы выдержан в духе символизма. Она участвовала в работе кружков и студий московских символистов, лично познакомилась с Валерием Брюсовым, поэтом Эллисом (Львом Кобылинским). Помимо Брюсова, на ее творческое становление оказали Н. Некрасов и М. Волошин, в доме которого она даже в разные годы гостила.

Наряду с творческим совершенствованием, развивалась и ее личная жизнь. Так, в 1911 году Цветаева встретила своего будущего мужа – Сергея Эфрона. Уже в январе 1912 года они стали законными супругами, а в сентябре того же года и родителями дочери Ариадны, которую дочка называли Алей.

Третий сборник стихов Марины Ивановны «Из двух книг» увидел свет в 1913 году. Лето 1916 года застало поэтессу в городе Александрове, где она гостила у сестры Анастасии и ее гражданского супруга Маврикия Минца. Там же были созданы циклы стихотворений «К Ахматовой», «Стихи о Москве» и пр. Позже этот период ее жизни был назван литературоведами «Александровским летом Марины Цветаевой».

Два года (с 1914 по 1916 гг.) Цветаева состояла в романтических отношениях с молодой поэтессой и переводчицей Софией Парнок, которой был посвящен цикл стихов «Подруга». Однако уже в 1916 году Марина вернулась к мужу, а прежнее увлечение назвала «первой катастрофой в своей жизни».

Рожденная в 1917 году дочь Ирина скончалась в трехлетнем возрасте от голода в Кунцевском подмосковном приюте. Гражданская война стала временем серьезных испытаний для Цветаевой, супруг которой был солдатом Белой армии. Сама поэтесса жила в Борисоглебском переулке Москвы, где был создан очередной цикл стихов «Лебединый стан», посвященный Сергею Эфрону и белому движению.

С 1918 по 1919 годы Марина Ивановна создает поэмы «Егорушка», «На красном коне», «Царь-девица», романтические пьесы. В апреле 1920 года состоялось ее личное знакомство с князем Сергеем Волконским.

Май 1922 года ознаменовался для Цветаевой решением отправиться вместе с дочерью Ариадной за рубеж, где уже находился ее супруг. Последний оказался за границей после разгрома Деникина и в статусе офицера Белой армии поступил в Пражский университет.

Первое время мать и дочь жили в Берлине, затем на протяжении трех лет – в Праге и ее предместьях. В частности, там были созданы «Поэма Горы» и «Поэма Конца», посвященные Константину Родзевичу. С 1925 года после появления на свет сына Георгия, семья обосновалась в Париже. Но и там не было покоя поэтессе в связи с обвинениями мужа – Сергея Эфрона в работе на НКВД и его участии в заговоре против сына Троцкого – Льва Седова.

Марина Цветаева дружила и активно переписывалась весь период эмиграции с Борисом Пастернаком. Именно он посоветовал ей в мае 1926 года начать переписку с австрийским поэтом Райнером Марией Рильке, которая прервалась в том же году в связи со смертью последнего.

Практически ни одно из произведений, созданных Цветаевой в эмиграции так и не увидело свет. Лишь последний прижизненный сборник стихов «После России» был опубликован в 1928 году в Париже.

В 1930 году поэтесса создает поэтический цикл «Маяковскому», самоубийство которого стало для нее потрясением.

Если стихотворения Цветаевой были не слишком популярными в эмиграции, то проза пользовалась успехом у публики и начиная с 1930 годов стала основной в ее творчестве. В частности, увидели свет: «Мой Пушкин» (1937 г.), «Мать и музыка» (1935 г.), «Дом у Старого Пимена» (1934 г.), «Повесть о Сонечке» (1938 г.), «Живое о живом» (посвящены М. Волошину, 1933 г.), «Нездешний вечер» (посвящено М. Кузмину, 1936 г.), «Пленный дух» (посвящено А. Белому, 1934 г.) и др.

В этот период Цветаева со своей семьей были очень бедны, они проживали фактически в нищете и немного помогала им с деньгами Саломея Андроникова.

1937 год стал поворотным в жизни всего семейства. Сначала 15 марта Ариадна получила возможность вернуться в Россию, которой с удовольствием воспользовалась. А затем, 10 октября туда же бежал и Сергей Эфрон, спасаясь от обвинений в причастности к громкому заказному политическому убийству. Лишь в 1939 году к мужу и дочери присоединилась сама Марина Ивановна. Она обосновалась на даче НКВД в Болшеве (сейчас там Мемориальный дом-музей поэтессы).

Неожиданно, 27 августа того же года аресту подверглась сначала Ариадна, а потом – 10 октября и ее отец. Спустя всего два года заточения, 16 октября 1941 года Сергея Яковлевича Эфрона расстреляли на Лубянке (по иным сведениям в Орловском центре). Дочь провела в застенках долгих пятнадцать лет и была реабилитирована только в 1955 году.

Все это время Цветаева не писала ничего. Ее отдушиной стали переводы. За этим занятием ее и застала Великая Отечественная война, с началом которой работу над переводом Федерико Гарсиа Лорки пришлось отложить на неопределенное время.

8 августа 1941 года они вместе с сыном были эвакуированы и 18 августа оказались в числе других поэтов в городе Елабуге на Каме. Марина Цветаева собиралась обосноваться в Чистополе, даже получила разрешение на прописку там и подыскивала себе работу. Сохранилось ее заявление о приеме на должность посудомойки: «В совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве посудомойки в открывающуюся столовую Литфонда. 26 августа 1941 года». Уже 28 августа она вновь была в Елабуге, планируя жизнь в Чистополе. Но этим планам так и не суждено было сбыться никогда.

31 августа 1941 года великая русская поэтесса, прозаик и переводчик – Марина Ивановна Цветаева свела счеты с этой жизнью. Она повесилась в доме Бродельщиковых, где тогда жила с сыном. Написала три предсмертные записки: сыну, Асеевым, и «эвакуированным». Оригинальный текст последней был утерян и его позже восстанавливал сам Георгий Эфрон. В самих предсмертных посланиях она просит прощения у сына и объясняет причины своего поступка, просит Асеевых позаботиться о сыне, которого называет «Муром», а своих коллег «эвакуированных» умоляет присмотреть за Георгием и отправить его к Асеевым в Чистополь.

Свой последний приют Марина Ивановна нашла 2 сентября 1941 года на Петропавловском кладбище в Елабуге, но где именно расположена могила – не известно до сих пор. Предположительно она находится на южной стороне возле кладбищенской каменной стены. И именно на этом месте ее сестра Анастасия Цветаева воздвигла крест в 1960 году. Еще через десять лет, уже в 1970 году на месте креста было установлено гранитное надгробие. Именно это надгробие сегодня считается официальной могилой величайшей поэтессы, но насколько это предположение верно – никто не знает и по сей день.

Бежит тропинка с бугорка...

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;
Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И все поют о добром, старом,
О детском времени они.
О дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы

Стихотворение создано в 1911 году и посвящено беззаботному детству Марины Цветаевой. Она тоскует по тем временам, когда жизнь была простой: «...О дни, где утро было рай, И полдень рай, и все закаты!..» и размеренной: «...Все так же сонными лугами Лениво движется Ока...».

С душевной болью, но и с благодарной нежностью поэтесса обращается в своих воспоминаниях к прекрасному времени детства: «...И все поют о добром, старом, О детском времени они...» и «...Где были шпагами лопаты И замком царственным сарай...». Говорит о стремительном и неумолимом беге времени: «...Колокола звонят в тени, Спешат удары за ударом...». Ей сложно смириться с тем, что так как было раньше уже никогда не будет. Мы все взрослеем и нас затягивает в водоворот житейских трудностей и проблем, но мы не должны забывать о своих корнях, истоках.

Заканчивается произведение неммым вопросом: «...Куда ушли, в какую даль вы? Что между нами пролегло?...» ответа на который нет. Время уходит безвозвратно и никто не знает куда или почему.

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.
Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.
Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на всё – на фею нужен глаз!
Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..
Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

Стихотворение создано в 1908-1910 годах и входит в самый первый сборник поэтессы «Вечерний альбом». Посвящено оно детству Марины Цветаевой – времени, когда она была маленькой девочкой, не существовало никаких взрослых проблем, можно было играть с утра до вечера и ни о чем не беспокоиться: «...Нам хорошо. Пока еще в постели Все старшие, и воздух летний свеж, Бежим к себе...».

Она называет себя «феей», как и свою подружку, с которой они чувствовали себя владычицами леса: «...Мы обе – феи, добрые соседки...», ей казалось, что им доступно тайное знание, не понятное взрослым: «...Что ясно нам – для них совсем туманно...». Природа была их царством, в котором им все близко и понятно, где они – прекрасные королевы, обладающие несметными богатствами: «...Владенья наши царственно-богаты...», «...В них ручейки, деревья, поле, скаты И вишни прошлогодние во мху...».

Стихотворение пропитано радостью жизни, светлой грустью о том, что эти времена позади, но и благодарностью за то, что они вообще были. Тогда поэтесса была по-настоящему счастлива и ее-ребенка не смущало недоумение взрослых: «...Двух диких девочек лишь видят в нас...», она была в своей стихии: «...Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..», предоставлена сама себе до самого вечера и свободна: «...Ах, этот мир и счастье быть на свете...».

За книгами

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.
Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.
«Поиграй, возьми за дело,
Домик строй». – «А где картон?»
«Что за тон?» – «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!
Надоело... жить... на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд»... – «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»
Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»
Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

Марина Цветаева всегда очень любила поэзию: с самого раннего детства она зачитывалась книгами, как теми, что давала ей мать, так и теми, которые были предназначены для ее брата Андрея. По сюжету девочка семи лет никак не дожидается поездки в книжную лавку, которую ей обещала родительница и готова даже самостоятельно туда ехать.

Возраст – не случаен: сама поэтесса говорила, что все самое важное она узнала за первые семь лет жизни, а последующие сорок – просто осознала. Не случаен и образ матери – человека, который много значил в ее жизни и которого она так рано потеряла. Взрослая Марина благодарна последней за привитую любовь к искусству и часто воспекает образ матери в своем творчестве.

Строчка: «...Все большие – палачи, Давид Копперфильд»... – «Молчи!..» – это аллюзия к герою книги «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» Ч. Диккенса в которой речь идет о несчастном детстве маленького мальчика и этот образ обиженного ребенка, Цветаева переносит на себя. Упоминание смерти: «...Надоело... жить... на свете...» – здесь еще просто ребячество, а не действительное предчувствие чего-то трагического, свойственного более позднему творчеству поэтессы.

Красной кистью рябина зажглась...

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Стихотворение было создано в сентябре 1916 года накануне 26-го дня рождения поэтессы. Рябина для нее – совершенно особенная ягода, которая ассоциируется с торжеством, буйством осенних красок и ее собственным днем рождения: «...Красною кистью Рябина зажглась...». При этом, сам факт своего появления на свет, Цветаева не воспринимает как нечто выдающееся и пишет об этом просто: «...Падали листья. Я родилась...». А поскольку в этот же день православная церковь празднует и праздник Иоанна Богослова, в стихотворении упоминание о колокольном звоне, который оглашал всю округу: «...Спорили сотни Колоколов...» и «...День был субботний: Иоанн Богослов...».

Мотив религии также не случаен, хотя, поэтесса и не была глубоко религиозной, но в самые сложные периоды жизни, она неизменно обращалась к Богу, моля о защите и помощи. Сама вера воспринимается ею как нечто само собой разумеющееся, естественное, незыблемое, не подвластное времени или моде. И она благодарна судьбе за то, что появилась на свет именно теплым осенним днем, восхваляет в стихотворении сам факт своего рождения.

Примечательно, что именно незадолго до своего 26-ти летия Цветаева решила разорвать порочную любовную связь с Софьей Парнок и вернуться к мужу – Сергею Эфрону. И хотя это решение и далось ей не просто – она любила Парнок, но дочери нужен был отец, а ей самой – полноценная семья, чего любовница дать не могла. Еще через некоторое время, Цветаева осознает насколько правильным было это решение о восстановлении семьи с мужем.

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,
Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?
Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,
Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.
Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Стихотворение написано в 1911 году и отражает тоску по былым временам, по былому величию Москвы, аристократическому прошлому и богатству убранства домов: «...Где потолки расписные, До потолков зеркала...», «...Великолепные морды На вековых воротах...» и «...Домики с знаком породы, С видом ее сторожей...». Одновременно, это и гимн городу, воспевание его красоты, величия, славного исторического прошлого.

Старые домики – это и символ былых времен, прошлого самой Цветаевой, которое безвозвратно уходит. Времена меняются и начавшийся в 1911 году технический прогресс постепенно уничтожает эти милые сердцу поэтессы дома: «...Домовладельцы – их право! И погибаете вы...», «...Из переулочков скромных Все исчезаете вы...», «...Точно дворцы ледяные По мановенью жезла...». Дома исчезают, но заборы от них остаются и это навеивает особенную грусть на Цветаеву: «...Странно постукивать пальцем О деревянный забор!...».

Поэтессе тяжело расстаться с прошлым и принять тот факт, что прежней Москвы, как и прежней России больше нет – время не стоит на месте, необходимо развиваться, меняться, ускорять темп жизни: «...Вас заменили уроды, – Грузные, в шесть этажей...». Сопротивляться веянию нового – глупо и бесполезно, а значит, остаются лишь воспоминания и тоска по: «... Славе прабабушек томных...», «...Где клавесина аккорды, Темные шторы в цветах...», «... Кудри, склоненные к пальцам, Взгляды портретов в упор...».

В субботу

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.
О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!
Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня Суббота,
И будет печальная мама.
Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

Произведение входит в сборник «Волшебный фонарь», который поэтесса посвятила своему супругу – Сергею Эфрону. Согласно сюжета, в субботний вечер семья собирается вместе перед вечерним чаепитием и, несмотря на то, что на улице уже темнеет, дома тепло и уютно: «...Темнеет... Готовятся к чаю...». Цветаева, представляя себя маленькой девочкой, читает сестренке сказку: «...Дремлет Ася под маминой шубой. Я страшную сказку читаю...».

Перед читателем возникают сказочные образы, которые причудливо переплетаются с миром реальности: «...Я страшную сказку читаю О старой колдунье беззубой...» и «...О старой колдунье, о гномах, О принцессе, ушедшей закатом...». Очевидны мотивы конца, гибели, предчувствия чего-то нехорошего. Неосознанный страх перед будущим и теми испытаниями, которое оно уготовило: «...Как жутко в лесах незнакомых Бродить ей с невидящим братом!..» и «...Одна у колдуньи забота: Подвести его к пропасти прямо!..». Это особенно контрастирует с образом домашнего спокойствия и безопасности.

Этот же мотив одиночества, грусти находит свое отражение не только в сказке, но и в реальности: «...Темнеет... Сегодня Суббота, И будет печальная мама...», хотя и нет особых причин для огорчения – все в сборе, должна царить радость и шутки. Поэтесса предчувствует безрадостность и трагичность жизни, мастерски соединяя два мира: книжный и реальный, чтобы показать, насколько нестабильно и туманно будущее.

Как правая и левая рука

Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежны, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встаёт – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!

Стихотворение создано в июле 1918 года и посвящено любимому мужу – Сергею Эфрону. Это ода всепоглощающей любви и верности возлюбленному, торжество страсти и нежности, символ неделимости пары: «...Как правая и левая рука – Твоя душа моей душе близка» и «... Мы смежны, блаженно и тепло, Как правое и левое крыло...».

Присутствует мотив птицы – как символа дальних странствий, ведь и в реальной жизни супруги в этот период находились далеко друг от друга. Отсюда и сравнение их с крыльями: «...Как правое и левое крыло...». Супруга говорит о внутреннем, духовном единстве с мужем, которое не в силах разрушить никакое расстояние.

Вместе с тем, очевиден и мотив предчувствия грядущих испытаний, чего-то нехорошего, скверного: «...Но вихрь встаёт – и бездна пролегла От правого – до левого крыла!...». Возможно речь идет о подавлении восстания Деникина, в результате чего супругу пришлось бежать за границу, что и привело их в итоге к разлуке. Несмотря на это, верная жена по-прежнему нежно любит своего мужа и надеется на скорую встречу.

Наконец-то встретила...

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.
Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.
Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.
И за то, что с язвою
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!

Стихотворение создано в сентябре 1936 года и относится к позднему периоду творчества поэтессы. В нем лейтмотивом звучит мысль о том, что каждому человеку нужен другой человек, желание любить и быть любимой: «... Человеку – надоба Человека – в нем...».

Посвящено оно мужу – Сергею Эфрону. Поэтесса признается, что несмотря на все сложности и испытания, выпавшие на их долю, она по-прежнему любит и поддерживает супруга, благодарна судьбе за то, что встретила его: «...Наконец-то встретила Надобного – мне...». Любовь обладает исцеляющей силой: «...Что для ока – радуга, Злаку – чернозем...» и Цветаевой в тот период ее жизни было особенно необходимо чувствовать себя нужной и любимой: «...Мне дождя, и радуги, И руки – нужней Человека надоба Рук – в руке моей...». Жизнь в Париже не была радостной и легкой, супруг подолгу отсутствовал и Цветаевой отчаянно не хватало его поддержки.

Строчка: «...И за то, что с язвою Мне принес ладонь...» – это отсылка к библейскому сюжету израненных рук Христа и символизирует непреходящую любовь, преданность, кротость перед судьбой и готовность пожертвовать собой во имя любви: «...Эту руку – сразу бы За тебя в огонь!».

Моим стихам, написанным так рано...

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Марина Цветаева славилась своим пророческим даром и сильной интуицией. Часто она произносила загадочные фразы, сбывавшиеся с невероятной точностью в последствии. Сама она говорила, что не понимает как именно создаются стихи – ее рукой как будто кто-то водит. К таким стихотворениям относится и данное, созданное в 1913 году. В нем поэтесса не только предсказала собственную судьбу, но и судьбу всего ее творчества.

На самом деле в начале своего творческого пути Цветаева была не слишком востребована читателем и ее сборники действительно пылились на полках магазинов: «...Где их никто не брал и не берет!..» и они действительно были «нечитанными стихами». Но связано это было с положением женщины-поэтессы в мужском мире поэзии начала XX века. Добиться признания тогда было практически невозможно. А долгая эмиграция и революционные события в стране, способствовали полному забвению Цветаевой.

Лишь через двадцать лет после ее смерти в 60-х годах прошлого века, ее поэзия была по достоинству оценена современниками. И вновь, все произошло так, как она и предсказывала: «...Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед». Сбылись и строчки: «...Сорвавшимся, как брызги из фонтана, Как искры из ракет...» – ее стихи действительно привнесли свежую струю во всю поэзию Серебряного Века.

На развалинах счастья нашего...

...На развалинах счастья нашего
Город встанет – мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе,
– Пока можешь еще – греши! –
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,
Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!..

Данное произведение является отрывком из «Поэмы Горы», написанной в 1924-1939 годах. В нем речь идет о сиюминутном настроении поэтессы в данный момент и говорит о ее неверии в будущее счастье с супругом, ей кажется, что все уже позади: «...На развалинах счастья нашего...». Мотив предчувствия несчастий и бед: «...Пока можешь еще – греши!..». Она говорит о том, что всегда найдутся паразиты – люди, разлучившие ее с мужем, наживающиеся на чужой беде: «...Будут лавочники на отдыхе Пережевывать барыши...» и «...Этажи и ходы надумывать, Чтобы каждая нитка – в дом!..» – как символ новых испытаний и житейских неурядиц.

Тем неожиданнее звучат нотки надежды: «...Город встанет – мужей и жен. И на том же блаженном воздухе...». Цветаева отчаянно хочет верить в то, что все еще наладится: «...Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь Крыши с аистовым гнездом!..». Наряду с надеждой в этой строчке звучит отчаяние, какая-то отрешенность и отрицание собственного будущего счастья.

Кто создан из камня

Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и нагробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрерывно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!

Стихотворение создано в 1920 году, спустя всего несколько недель после похорон трехлетней дочери Ирины. Существуют свидетельства того, что мать ее никогда не любила, а потому и не слишком переживала о потере. Данное произведение наполнено радостью, надеждой и оптимизмом. В череде житейских неурядиц поэтесса надеется выстоять, выжить несмотря ни на что. Ведь помимо смерти ребенка она оказалась разлучена и с супругом – Сергеем Эфроном, о чем сожалеет по-настоящему.

Она противопоставляет себя другим людям, заявляет о том, что выше и лучше их: «... Кто создан из камня, кто создан из глины...», сравнивает себя с Афродитой, вышедшей из пены морской: «...А я серебрюсь и сверкаю!...». Заявляет, что не является брэнной плотью: «...Кто создан из глины, кто создан из плоти – Тем гроб и нагробные плиты...». Убеждена, что несмотря ни на что сможет достучаться до людских сердец: «...Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети Пробьется мое своеволие...».

Однако ничто из сказанного ей в данном стихотворении правдой не является: она очень слаба и не в силах противиться судьбе, от нее ничего не зависит на самом деле, а достучаться до людских сердец ей удастся спустя 20 лет после смерти. В реальной жизни вскоре она сама стала эмигранткой, ее жизнь была безрадостной и полной тоски по Родине, на которую она не могла вернуться. А даже когда и получилось вернуться в Россию, горести обрушились на нее с новой силой, приведя к потере всех, кого она любила и, в итоге, к суициду.

Тоска по родине!

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц ошетиливаться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –
Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

Стихотворение было создано в 1934 году в Праге. Оно пронизано отчаянным осознанием своей не востребованности как поэтессы на Родине и сомнениями в будущем на чужбине. Строчка: «...Мне совершенно все равно – Где совершенно одинокой Быть, по каким камням домой Брести с кошелкою базарной...» – это признание поэтессы в том, что она больше нигде

не чувствует себя дома, семейное счастье осталось в прошлом, ее душа окаменела и сделалась ко всему равнодушной.

Цветаева всегда трепетно относилась к России, но счастливой в ней она так и не стала, равно как и за границей. Все, что у нее осталось – это воспоминания о прошлом, когда все было относительно хорошо и ей не надо было буквально выживать. Она констатирует, что ее «выжили» из поэзии того времени: «...Львом, из какой людской среды Быть вытесненной – непременно...», сообщает о том, что даже родной язык ей уже не мил, раз ее все равно никто не понимает: «... Не обольщусь и языком Родным, его призывом млечным. Мне безразлично – на каком Непонимаемой быть встречным!..».

Вот опять окно...

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Не от свеч, от ламп темнота зажглась:
От бессонных глаз!
Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему покоя.
И в моем дому
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

Стихотворение входит в созданный в 1916 году сборник стихов «Бессонница». Именно в этот период поэтесса решила вернуться к мужу после романа с Софьей Парнок. Вместе с тем, она понимает, что сильно изменилась и прежней уже не будет никогда. Она сомневается в возможности обретения счастья с супругом.

Первая строчка: «...Вот опять окно, Где опять не спят...» – символизирует то, что поэтесса не одинока в мире мятущихся душ, она убеждена, что в жизни каждого человека наступает период размышлений, раздумий и к ним тоже приходит бессонница. Тогда в их окнах тоже подолгу не гаснет свет. Далее, она пытается угадать чем заняты люди: «...Может – пьют вино, Может – так сидят...», предполагает встречу возлюбленных: «...Или просто – рук Не разнимут двое...» и констатирует, что у каждого из нас есть свои причины для того, чтобы подольше не гасить свет: «...В каждом доме, друг, Есть окно такое...».

Цветаева подчеркивает, что за каждым светящимся окошком в доме скрыты человеческие эмоции, переживания, страхи, восторги, разлуки или встречи: «...Крик разлук и встреч – Ты, окно в ночи!..» и не столь важно чем именно освещена комната бессонными глазами или тысячами свеч: «...Не от свеч, от ламп темнота зажглась: От бессонных глаз!..», «...Может – сотни свеч, Может – три свечи...». Поэтесса признает, что ранее не задумывалась о причинах бессонницы людей, пока сама лично не столкнулась с этим: «...И в моем дому Завелось такое...». В эпилоге она призывает любого случайного прохожего помолиться за светящееся окно в темноте: «...Помолись, дружок, за бессонный дом, За окно с огнем!..».

С большою нежностью – потому...

С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,
Кому – развеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...
И все? – записки, и все? – цветы,
Которых хранить – невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!

Стихотворение создано в 1915 году и в реальной жизни поэтессы в этот момент не было никаких поводов для столь пессимистичного настроения. Она недавно вышла замуж и родила дочь, ей всего 23 года. Вероятнее всего, поводом для расстройства послужил скандальный и порицаемый обществом роман с Софьей Парнок, ради которой она даже ушла от мужа, о чем позже сильно сожалела.

Так или иначе, Цветаева, рано потерявшая мать, пытается угадать что же кроется там, за чертой жизни земной. И если изначально смерть внушала ей панический ужас, то с течением времени она начала воспринимать ее как избавление от бремени житейских тревог и проблем. Как способ перехода в другое измерение – она верила в загробную жизнь. И в данном произведении поэтесса размышляет о том, что произойдет, если ее не станет: «...Я все раздумываю, кому Достанется волчий мех, Кому – развеживающий плед И тонкая трость с борзой, Кому – серебряный мой браслет, Осыпанный бирюзой...». Ее заботит судьба не только материальных вещей, но и духовных: «...И все? – записки, и все? – цветы, Которых хранить – невмочь...». В итоге она понимает, что ее уход заметят лишь самые близкие и родные люди, но тематика смерти часто присутствует в ее творчестве.

Строчка: «...Что скоро уйду от всех...» говорит о том, что Цветаева не просто не боится смерти, она ее ждет, хотя до реальной физической кончины поэтессы еще целых 30 лет. Однако учитывая то, что она совершила суицид, смерть действительно кажется ей спасением, а пока ей только 23, она лишь заигрывает с судьбой: «...Последняя рифма моя – и ты, Последняя моя ночь!».

Семь холмов – как семь колоколов!..

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счётом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!
В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.
И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.
Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землёй московскою!

Стихотворение написано в 1916 году и входит в поэтический цикл «Стихи о Москве» – городе, где поэтесса появилась на свет. К слову, она неоднократно подчеркивала как горда тем, что ее день рождения совпал с праздником Иоанна Богослова: «...В колокольный я, во червонный день Иоанна родилась Богослова...».

Примечательна интонация произведения, создающая у читателя эффект колокольного звона за счет переноса одной идеи на несколько строк, тире как пауз, постоянных повторов, частого использования буквы «о»: «...Семь холмов – как семь колоколов! На семи колоколах – колокольни...». Часто упоминаются ей и всевозможные знахарки, паломники, празднование православных торжеств как символ старой «настоящей» Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.